
Макс Неволошин

Побег из зоопарка

Рассказ

Почти в любом селе есть дома как бы неуместные здесь, чужие. Два этажа, скрипучая лестница, шестнадцать квартир. Однако и не городские: темные, бревенчатые, у дверей вповалку сапоги, и запах кислый, избяной.

Народ там обитает такой же маргинальный. Заводчане на сельхозработах, шабашники, молодые учителя. Хотя какие они, к чертям, молодые? Вон историк, Николай Степанович, лет за тридцать мужику. Учительствует давно. Пользуется, как говорят завистники, дешевым авторитетом, — руководит школьным ВИА и баскетбольной секцией. При этом росту он совсем не гренадерского. Коренаст, ухмыльчив. Напоминает одного киноартиста, игравшего при соцреализме хитрожопых деревенских умников. Выпивает регулярно, но без спешки. Разведен.

Рядом, в шестой квартире, затаился биолог Георгий Ильич. Пятидесятилетний, незаметный, лысина, толстые стекла очков. От школы его мутит так давно, что состояние это кажется нормальным. «Хоть бы год спокойной жизни или три... — мечтает биолог о пенсии, — главное, чтоб не вынесли прямо из кабинета». На уроках школьники и Георгий Ильич существуют автономно. Семьи вроде бы нет. Учительская крепкая семья — это вообще оксюморон. Работа выедаёт толерантность дочиста, как у полицейских, например, или лакеев.

Вечерами историк навещает коллегу. Ему охота поговорить и выпить разведенного спирта. Рядом с деревней — спиртзавод, где у Николая все под контролем. Жаль, собутыльник из Георгия неважный. У него был инфаркт. Одно время Николай ходил в соседний подъезд к учителю английского Ивану, человеку действительно молодому и в школе недавнему. Но затем у беременной жены Ивана стал портиться характер. Николай отнесся с пониманием. Это у них всегда так: месяце на пятом звереют. А потом — ничего.

И вот Алёна родила, но оставалась пока в больнице. Законный повод устроить мальчишник, — решил Николай. Иван моментально согласился. Позвали Георгия Ильича, физрука Толика. Из города подтянулись бывшие одноклассники Ивана — Андрон и Фома. Фоме не хотелось ехать с Андроном, как чувствовал — выйдут

Макс Неволошин родился в Самаре. В прошлом — учитель средней школы. После защиты кандидатской диссертации по психологии занимался преподавательской и научно-исследовательской деятельностью в России, Новой Зеландии и Австралии. Автор двух сборников рассказов: «Шла шаша по соше» (2015) и «Срез» (2018). Печатался в «Новом журнале», «Волге» и др. Живет в Сиднее. Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 1.

проблемы. Не человек, а ходячий трабл — большой, шумный, везде с ним тесно. Начнет в электричке травить похабные анекдоты — слышат оба тамбура.

И начал, кто бы сомневался. Анекдоты были старые, на тему голубых — она его по жизни волновала. Андрон изображал героев в лицах, находя это дико смешным. На приятелей косились.

— Сидят два гомика в землянке, — Андрон «подкрасил» губы и ногти, запищал фальцетом: — Дорогой, кажется, немцы в атаку идут. — А они красивые? — Ой, нет, страшные. — Ну тогда, огоны! Ха-ха-ха-ха! Или вот: молодожены, первая брачная ночь, все дела. Он: Киска, у тебя до меня парни были? — Нет... — А у меня были!

— Что за мерзость, прости господи, стыд какой... — не выдержала бабка с рюкзаком.

— Стыдно, у кого видно, — весело откликнулся Андрон, — а у кого болтается — не считается!

Явился на вокзал уже хороший, — сообразил Фома. Зачем вообще бухать, если дури природной с избытком? Но это был, конечно, риторический вопрос. Андрон находился в той фазе жизни, которую называл *Flucht aus dem Zoo*, или побег из зоопарка.

Раз в полгода Андрон убегал из дома, точнее, от сумасшедшей мамы. Та его вычисляла рано или поздно. И, вернув к семейному очагу, мудрохала подолгу чем-нибудь тяжелым. «Вот те, сучий потрох! Вот те, мразь! Нагулялся, вошь лобковая?!» Андрон, бугай под метр восемьдесят и столько же в диаметре, защищал голову: «Ну хватит, мам... Заканчивай, мам...» Он знал, что экзекуция неотвратима, поэтому на воле распахивался душой.

Однажды Андрон Воеводин показывал друзьям фотоальбом. Из мутных окон в прошлое глядел задумчивый толстый ребенок. Казалось, он удивляется, всматриваясь в Андрона сегодняшнего: как из него получился такой неадекват? Фома не удивлялся. Он дважды общался с мамой Андрона и больше точно не хотел.

В детстве у Фомы была книжка «Рейнеке-лис» с жутковатыми натуралистическими иллюстрациями. Морды большинства персонажей излучали бездну тупости и разврата. На их фоне мерзавец-лис выглядел даже симпатичным, что отчасти передавало идею книги. Один рисунок изображал фантастическое чудовище: царицу пещерных горилл. Увидев Эльвиру Романовну Воеводину, Фома поразился сходству. Мама Андрона выглядела так, будто кожу человека напялил загадочный организм, великий и ужасный.

Папа у них отсутствовал. Иногда Фома думал: а ведь некий странный тип польстился на Эльвиру Романовну. Возможно, какой-то маньяк изнасиловал ее в темноте.

Мать Андрона ненавидела Фому. Это чувство распространялось и на других приятелей сына, однако Фома всегда имел бонус. Кроме того, она ненавидела соседей, товарищей по работе, бездельников из ЖЭКа, продавцов, звезд эстрады, геев, евреев, антисемитов, диссидентов и коммунистов. Словом, тех, кто находился в поле зрения. Часто там находился Андрон. Мама его, впрочем, и любила тоже, но с оттенком психического расстройства. Незаметно ушлепок-сын заменил ей мужа-подкаблучника. И когда он это осознал, исправлять что-либо стало поздно.

В школе его, конечно же, дразнили — батоном и гандоном, но издали. Андрон мог долго терпеть и вдруг наотмашь смазать обидчика по уху, а рука у него с детства была чутунная. Как большинство изгоев, Андрон любил читать. На уроках литературы отдыхал, немецкий считал забавой. Язык Гитлера и Канта увлек его своей организацией. Усвоил правила — а дальше все легко. В жизни правил не хватало. Материнская ласка или визг были не особенно привязаны к реальности. Обычный сюр, ко всему человек привыкает.

В десятом классе его ограбили. Трое обдолбанных гопников показали нож в сортире ЦУМа. Андрон отдал сигареты и деньги. Затем проследовал в ментовку за углом, где толково описал шпану. И даже вызвался помочь при задержании. Их взяли минут через пять. Крупный мрачноватый юноша понравился блюстителям закона.

— Хочешь к нам внештатником?

— Хочу.

Шесть лет безвозмездной помощи милиции затейливо дополнили семейное воспитание. Андрон постиг основы боевого самбо. С удовольствием мочил подонков общества: алкашей, нарков, гопоту. Освобождал их от сомнительно добытого имущества. Перестал бояться кого-либо, мама — не в счет. А главное — увидел себя личностью высокого полета. В смысле, многих имеешь, а тебя — почти никто. Плюс квасить стал все, что горит.

Выпивал он так. Месяцев шесть-семь — вообще ни капли. Друзья привыкли, если вдруг застолье, Андрону — лимонад. Причем, он с него дурел, использовал резервы организма. Потом как будто таймер сигнализировал в голове. И уходил Андрон в запой, бессмысленный и беспощадный. Недели две скрывался по тусовкам, а мать его искала. На каком-то этапе ее больную голову осенила идея — в загулах сына виноват Фома.

Фома долго не подозревал, что назначен крайним. Выяснилось это следующим образом. Как-то, еще студентами, плотно зависли у Ивана, он тогда был холостой. Андрон не участвовал. Точнее, забежал накоротке с бутылкой водки и фрагментами скумбрии в пакете. Рассказал невнятную историю. Якобы он в скверике кому-то не понравился. Или ему кто-то. Пришлось чуток отремонтировать им фейсы. Жаль, рыба потеряла вид, но мы ее не замуж выдаем, наливай, короче, в темпе, пацаны. Выпил граммов триста, закусил и шпацирен-марширен. У Ивана оставаться — риск.

Утром Иван решил пройтись. Только у ларька сообразил — куда шел и зачем. А канистры нет... Пиво есть, а канистры нет! Вот облом, хоть назад беги. И как раз чувак идет с бидоном. Иван увидел шанс.

— Эй, брат, здорово! Ты за пивом?

Брат слегка напрягся, попробовал узнать Ивана.

— Не... За молоком. Жена отправила. А что?

— Смотри. Сейчас мы в твой бидончик наливаем пива. И быстро выздоравливаем. Так?

— Так... — заинтересовался брат.

— Потом берем добавки и — ко мне.

— У меня рубль.

— Деньги не проблема. Выпиваем, ополаскиваем, и ты спокойно идешь за молоком.

Прижился, в общем, дядя. Сначала забывал уйти, на третий день уже боялся. Звали его, кажется, Василий, откликался также на Петра. И засыпал не вовремя. Фоме с Иваном надо по делам, а Вася спит, как эмбрион. Да хрен с ним — закрыли и ушли.

Возвращаются — у подъезда мать Андрона еще с какой-то теткой.

— Где мой дебил? В квартире?

— Это вряд ли, — говорит Иван.

— Врешь. Пошли смотреть!

— Да легко!

В подъезде у Фомы случилась ржак. До коликов в боку, почти истерика. Иван отомкнул. Мать Андрона — шасть к дивану. Сдернула плед, а там Василий!

— Хоба! — Фома выставил два средних пальца.

Это он вообще-то зря.

— Смешно? — Эльвира Романовна обернулась. Ее трясло, ноздри вздернулись, с клыков летела пена. — Ладно, выкидыш сучий, радуйся, что это не он. Когда будет он, я тебя убью, понял?! Это ты — ты! — его сбиваешь с толку... Пусть я отсижу — но ты у меня будешь гнить в земле!

Совхоз «Маяк»... Двери закрываются. Следующая — «Горки».

— Наша, — сказал Фома, — айда, покурим.

Тамбур встретил холодом и лязгом. За окном горизонтально несея снег. Из сугробов там и сям выныривали избы. Кое-где мерцали огоньки, пластался дым из труб. Мелькнули две пятиэтажки с веселыми гирляндами окон. И опять все смазал темный перелесок.

Иван ждал на платформе. Дубленка распахнута, шапка на затылке, вид малость очумелый.

— Папаша! Огоньку не найдется? — окликнул его Андрон.

— О! Здорово, кабаны! Наконец-то... Здорово! Ну все, пойдем, тут рядом...

Двинулись гуськом меж елей и сугробов. Разговаривать было трудно: выюга уносила звук.

— Сына уже видел?

— Кого?

— Хрена моего! Сына, говорю, видел? Или у тебя ежик родился?

— В окне!

— На кого похож?

— Не знаю...

— Мужья часто не знают! Ха-ха-ха-ха!

— Как назвали-то?

— Фомой.

— Да ты гонишь!

— Тогда уж лучше Андроном.

— Тогда уж лучше раздолбаем — для полной ясности. Раздолбай Иванович — звучит?

— Да пошли вы!

— Привыкай. Быть папачес — большой мучачес.

По сторонам чернели дома, заборы. Вспыхивала и гасла метель, пойманная светом фонаря. Вяло перетявкнулись собаки.

— Далеко еще? — спросил Фома.

— Сразу за школой. Вон она.

Мрачное казенное строение заставило ускорить шаг. Хотелось быстрее миновать его. Апофеоз провинциальной тоски, — думал Фома, — эти сельские школы, больницы, клубы... Одновременно вроде бы действующие и заброшенные. И ведь какие-то бедняги ходят сюда каждый день. Иван, к примеру. Мало того, из школы видят свой дом. А из дома — школу.

Тотчас открылся и дом, сумрачный, как будто нежилой. Два светящихся окна казались имитацией, внушали мысли о потере и забвении. Дом надвигался, как дыра в пространстве. Портал в неведомое. Глаз. Желтые квадраты выделялись на снегу. С крыши нависала ледяная глыба. Внезапно Фоме захотелось исчезнуть отсюда — немедленно. Но уже заходили в подъезд.

Дверь замерзла открытой градусов на тридцать. Андрон едва протиснулся. Дохнуло затхлостью, мышами, грибами, плесенью и смертью... Что за дрянь лезет в голову, — поморщился Фома. В желудке шевельнулось что-то лишнее. — Зачем я подумал эту гадость — «смертью»? Надо как следует выпить. Однако вплоть до третьей рюмки не

мог он побороть в себе нелепых ощущений: раздражения, досады, неясного предчувствия беды.

Голоса из квартиры донеслись еще в подъезде. В нетрезвых интонациях угадывался диспут о проблемах человечества.

— Эй! Мы пришли! — крикнул с порога Иван.

Спор в комнате не утих.

— ...жертвовал частью народа ради будущих поколений, — объяснял уверенный басок. — Можно было сделать иначе? Наверно, да. Но — диалектика, относительность, контекст! Как адекватно оценивать сталинские методы в нашу вегетарианскую эпоху? С точки зрения исторической перспективы...

— Как же, слышали! — перебил интеллигентный тенор. — Скажи еще, с точки зрения арифметики. Пусть миллион китайцев умрет, зато остальные будут жить при коммунизме. А что, все правильно. Особенно, если ты среди вторых.

— А при чем здесь китайцы? — вставил третий, наиболее пьяный голос.

— Анатолий, вы нажрались.

— Отнюдь. Но Мандельштама я этому уроду не прощу!

— Ба! Новые гости прибыли!

— Опоздавшим штрафничок!

Задвигались стулья, наполнились рюмки. Сделалось по-доброму шумно и тепло.

В квартире еще оставался тот уютный женский мирок, где всегда чисто и хорошо пахнет. Пара дней холостяцкой жизни Ивана не спугнули, не выветрили его. Выпили за новорожденного, за молодцов-родителей. Потом — за школу, чтоб она сгорела. За «давайте чаще встречаться, пацаны». За «нас с вами и хрен с ними»...

Скоро все заговорили разом. Толик пытался развлечь Николая. Андрон — напоить Георгия Ильича. Фома обнимал Ивана.

— Ты на родах-то присутствовал, отец?

— Это еще зачем?!

— Ну поддержать там, облегчить страдания...

— Какие страдания? Алёна проспала все от и до. Мы дензнаков занесли кому положено.

— А вообще не интересно?

— Не интересно. Ты хочешь, чтобы я импотентом стал?

— Я тебе как биолог скажу. Вся эта забота о будущих поколениях, историческая миссия, священный героизм — туфта! Опиум для стада, чтоб им было легче убивать и подыхать. Единственная цель терактов, войн и революций — перераспределение собственности между узким кругом лиц. Если распутать клубок заморочек — останется древняя схема: ищи, кому выгодно.

— А может, все наоборот? Может, выгода — не причина, а следствие?

— Ты в зоопарке давно был?

— Ха! Был... Я в нем, считай, живу.

— В смысле?

— Сейчас накатим — объясню.

— Не, я — пас. Вообрази большую клетку обезьян...

— Давай, полрюмки, а то не воображу.

— Наливай.

— ...а после дня учителя было школьное самоуправление. Помнишь?

— Ну.

— Я с утра, как вспомнил, что работа отменяется, сразу — к девчонкам на тему подлечения. Они толком не встали еще: Света в халате, Лилия в пижаме. Ищи, говорят, на столе полно осталось. Наливаю стакан портвейна. Тут стук в дверь. И появляется директор.

— Михал Иванович?

— Нет, Майкл Джексон.

— Чего он там забыл с утра пораньше?

— Хороший вопрос.

— В клетке обезьян всегда есть босс. И претенденты есть на это место. Потому что он имеет лучшие бананы и гарем. Бывают революции, волнения, так сказать, народных масс. Но ради чего?..

— Да понял я. Хотя... вот например, религиозные вожди: Лютер, Хомейни, Савонарола. Где там банан?

— Умница — пять баллов! Банан — за скобками. В подтексте, между строк...

...смотрит и молчит. Немая сцена, прям театр. И смотрит как-то мимо: тоже хворает, думаю, ага. И даю ему свой банан... Тьфу, блин! — стакан. С праздником, Михал Иванович! Он не сразу выпил. Все-таки трое подчиненных, и двое не одеты...

...бу-бу-бу-бу... бу-бу-бу...

...протянет ей журнал и отдернет. Протянет и отдернет. И это при учениках. Света плакала в тот день...

...у тебя даже братья Матюгины сидят, как немые и пришитые...

...тактика выжженной земли: портфель — мне, сам — за родителями...

...знал бы прикуп — соломки б настелил...

...зарплата по-любому — с кошkin нос...

В какой-то момент Фома упустил нить вечера. И вновь поймал ее за кухонным столом. Напротив кто-то витийствовал, дирижируя сигаретой. Кто-то очень знакомый. Так. Иван. Коллеги его исчезли. Из комнаты слышался мокрый храп: кхрр... кхрр. Андрон. Надо тоже баиньки, — подумал Фома. Мальчишник проскочил этап логичного финала и увяз в бестолковых ночных разговорах.

— ...человек способен на поступки, бесполезные для выживания, — говорил Иван, — даже вредные. Творчество, например...

Фома увидел перед собой рюмку водки и кружку чая. Глотнул последовательно. Достал из пачки сигарету.

— ...человек начинает действовать не из шкурных интересов, а ради принципа. Иногда в ущерб себе.

— Да хватит уже... — обозлился Фома, — зафакали этим человеком! У меня кот готов был умереть ради принципа. Кот! Хотел, понимаешь, гадить за диваном — и точка. Что только ни делали... — Фома покачал головой. — Воняло хуже деревенского

толчка. Я раз увидел новую кучу, сорвался. Схватил его вот так, думаю — не дай Бог, убью. А он смотрит как партизан и говорит: убей меня, пытай, делай со мной что хочешь. Но я буду срать там, где мне нравится.

— Прямо так и сказал? — усмехнулся Иван.

— Прямо так и сказал.

И тут входная дверь заколотилась от ударов. Еще. Еще. Били с ненавистью.

— Это что за новости? — Иван поднялся, шагнул в коридор. Не открывай!! — хотел крикнуть Фома. Он вдруг понял — там не соседи, не телеграмма. Не заблудившийся алкаш. Такой стук означает нечто гораздо худшее. Фома почти знал, что скрывается за дверью. Крикнуть он не успел.

Дверь распахнулась, будто выстрелила, и сразу кто-то упал. Большая, страшная тень метнулась в комнату. Эльвира Романовна Воеводина. Нет!! — взвизгнул ребенок в голове у Фомы. — Этого не может быть! Как она узнала?! В комнате мычали, рычали, снова что-то падало. Последовали смачные звуки оплеух.

Фома понимал, что должен валить — сейчас, немедленно, быстрее, идиот! Но вместо этого сидел парализованный, зажмурившись внутри, и дожидался хоть какого-то финала. Ведь ничего особенного не происходит? А если происходит, то с кем-то другим... Так, вероятно, думает барашек, привезенный на шашлык. Его даже не связывают толком. Он чувствует запах костра, слышит звяканье шампуров, гогот людей, которые будут... Будут... которые... Так же смеясь, запихивать во рты что-то горячее, дымящееся. Запивать теплым красным вином. Вытирать жирные пальцы о траву. И вдруг ему становится легко и как-то тупо радостно. Все-таки он здесь почетный гость. Он даже пытается улыбаться...

Фома поднял глаза. В дверях стояла Эльвира Романовна. Шуба нараспашку, космы прилипли к лицу. На щеке — мясистая бородавка с тремя волосками, Фома ясно различал каждый. Они хоть выглядели по-человечески. «Ну, все. Ты досмеялся», — произнесло существо.

Дальше за Фому действовал инстинкт. Инстинкт выдернул его из-за стола, заставил схватить увесистую пепельницу и метнуть в голову Эльвире Романовне. Одновременно или мгновением раньше она с утробным звуком «ы-ы-их!» вдавила стол Фоме в живот. Бросок ушел мимо, рюмки-чашки полетели. Нашупав табурет, Фома резко пнул его. И кажется, попал Эльвире в ногу. Ага!

Но вместо гримасы боли лицо сумасшедшей исказила ухмылка. Рука ее схватила что-то с полки. Ы-ы-их! Лезвие кинжала просвистело наискось в сантиметре от лица Фомы. Он шарахнулся. Тотчас новый удар столом — х-хрэк! — вдавил его в стену. С немощным ужасом Фома осознал, чем сейчас будет зарезан. Это был не кинжал (и правда, откуда ему взяться?), а ножницы. Длинные раскройные ножницы! Сжав их поудобней в кулаке, Эльвира изготовилась для бойни.

И — забились в мощных объятиях сына. Андрон обхватил маму сзади, фиксируя руки. Нечеловеческим усилием оттащил с прохода. Безумица рвалась к Фоме, мычала, трясла головой.

— Беги!!! — заорал Андрон.

Фома ломанулся. Вмял ноги в ботинки, сорвал шапку, пальто. Дверь была настезь. Иван куда-то пропал.

— Беги! — ревел Андрон. — Я ее долго не удерж... а-ах!

Фома ухнул по лестнице, не чуя ступеней. Вон он — проем, живительный холод свободы. Сущность низвергалась следом, громко дыша. Только бы выскочить на улицу... Господи, не здесь! Не в этом доме! Сзади ударило, толкнуло вперед. Последней конвульсией сознания Фома услышал грохот. Увидел, как падает лицом в снег...

Вой сирены ввинчивался в мозг. Глубже, сильнее... Резко стих. Историк Николай проснулся. Голубые огни скользили по комнате. Хм, менты? — подумал Николай. — Или скорая? Зачем сирена ночью? Не с Георгием ли чего... Наспех оделся, вышел в подъезд. Тут же приоткрылась дверь напротив и выглянул Георгий Ильич.

— Слава Богу! — обрадовался Николай. — Я боялся, тебя дед Кондратий навестил.

— Не дождетесь, — хмуро сказал биолог, — это в соседнем подъезде, вроде.

— Пойду, гляну.

— Погоди, я с тобой.

Фома бежал через заснеженное поле. Куда бежал? Как очутился в поле? Спросите что-нибудь полегче. Он бы имени своего теперь не вспомнил. Бежал, пока не кончилась дорога. Затем шел, ломая целину, увязая в снегу. Ботинки и джинсы намокли, лицо закаменело от пурги. Вдруг двигаться стало легче. Еще шаг... пустота. И Фома полетел в враг.

Противоположный склон оказался упрямым. Каждый раз, сползая вниз, Фома испытывал ощущения насекомого в песчаной ямке. Была такая детская забава: посадишь в ямку муравья и наблюдаешь, как он сучит лапками. Песок-то осыпается. Еще подкинешь ему малость на голову для интереса. Каждому возрастет по делам его.

Около двенадцати ночи в квартиру одной из пятиэтажек-близнецов — архитектурных изюминок совхоза «Маяк» — робко позвонили. Многоквартирные дома с теплым водоснабжением были гордостью совхозного начальства. В короткий срок они решили вечную российскую задачу: удержание населения в местах традиционного обитания. И даже как бы ее перевыполнили. Половину квартир таинственным образом занял шустрый городской народец, ездивший на службу электричками.

Хозяева дремали у телевизора. Они давно освоились на первом этаже, так что звонки всяких идиотов воспринимали философски. «Коля, иди разберись. Дай там по башке как следует». Коля посмотрел в глазок. Фигура на площадке напоминала снежного человека, только маленького.

— Чего надо?

— Извините... Я з-заб... блудился. Как пройти на станцию?

Коля открыл дверь.

— За домом сразу налево. И десять минут прямо. Куда едешь-то?

— Вг... в город. А мы вообще где?

— Пить надо меньше. Беги, давай. Успеешь на последнюю.

Фома успел. Вагон был пуст. Нет, в дальнем конце сутулилась бомжиха с узелком. Грязноватая аляска, капюшон опущен на лицо. Вагон болтался, набирая скорость. Фома закрыл глаза. Потихоньку восстанавливались чувства: холод, голод, адская усталость. Кажется, он задремал.

И еще во сне начал понимать — с вагоном что-то не так. Да. Бомжиха переместилась. Теперь она стояла ближе — в нескольких шагах. Капюшон едва скрывал прямой, тяжелый взгляд. Мертвый. И в руке у нее был не узелок. Нет, мальчики и девочки, совсем не узелок! Ножницы. Господи, ножницы... Чьи-то ледяные пальцы гаммой пронеслись вдоль позвоночника. Сердце заметалось между горлом и желудком. Я ничего этого не вижу, — подумал Фома. Но он, разумеется, видел.

Бомжиха отбросила капюшон.

Это была она. Царица пещерных горилл — великая и ужасная.

Отверзлась черная пасть, точно собираясь укусить бигмак. Визг резанул по ушам, будто завопили сразу несколько младенцев: «Иииииииии! Иииииииии!! Убивают!!

Убива-а-ают!!!» Фома вряд ли поверил бы, что способен издать этот звук. Он снова бежал, летел через вагоны. Через аханье дверей, гроыхающие тамбуры — искал глазами людей, хоть одного живого человека. Первый вагон, тупик — и опять никого. Но кто-то же должен вести этот поезд?! Заколошматил в дверь кабины машиниста. «Откройте! Спасите... Убивают...» «Наряд милиции, срочно пройдите в головной вагон», — хрипло ответил динамик. И затем: «Центральный вокзал, конечная. Просьба освободить вагоны». Фома вывалился на платформу.

К остановке, интимно светясь, подрулил автобус. Нереальное везение. Но Фома к этому времени утратил связь с реальностью. Он не удивился. И уже хотел войти, когда заметил сквозь белесое окно фигуру или тень в глубоком капюшоне. Фигура обернулась к нему темной, жуткой полостью. И слегка кивнула.

Приехали. Вот так слетает крыша. Фома метнулся от автобуса, пытаясь не бежать. Я не сумасшедший, я просто устал. Я должен успокоиться — сейчас же. Голоснул, остановилась тачка, он приоткрыл дверь. Водитель был мордатый и косматый. Бородавка, как жучок, сидела на щеке. Фома мысленно поднял руки.

— Я просто устал, — сказал он, — просто устал. А так со мной все хорошо.

— Ты уверен? — усмехнулись из салона. — Ехать-то куда?

Задние двери «скорой» были распахнуты. Из подъезда слышались голоса. Рядом стояли носилки, у кабины перекуривал шофер.

— Что там случилось? — Николай достал сигареты.

— Бабка упала в подъезде. Что вы за люди такие, дверь расчистить не можете? Вручную приходится таскать...

— Хм, бабка... — качнул головой Ильич. — У нас тут бабок нет. Жить-то будет?

— А куда она денется? Починят. Еще нас переживет.

Эльвира Романовна умерла в семьдесят девять лет. На месяц раньше сына. В последний год он редко выходил на связь. Разок-другой Фома общался с ним по скайпу. Андрон всегда полулежал в развалах мягкого белья. Он был похож на говорящую медузу. Затем надолго выпал из сети. Осенью на его странице в фейсбуке появился лаконичный мессидж: «Андрон умер».

Фома набрал Ивана.

— Это правда?

— Правдее не бывает. Я сам его хоронил. Мы с женой и пара дальних родственников — охотники за флэтом. Он страшный был такой. Серый весь, как... холодец.

— От чего умер-то?

— Инфаркт. Пустую бутылку нашли у кровати. И два пива в холодильнике. Не дошел. А вообще, я думаю, не смог он без матери.

Друзья помолчали.

— Сбежал все-таки, — нарушил паузу Фома.

— Не понял, — спросил Иван, — откуда?

И сразу понял, откуда.